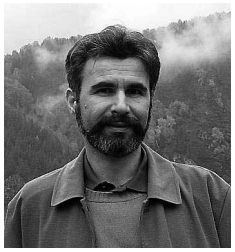
мы не хотим отказываться от самых высоких универсальных ценностей. Конечно, неклассическая неклассика еще далека от своего завершения, хотя сегодня уже вряд ли можно сказать, что она только формируется. Поэтому понятно, что далеко не все ее особенности проявились в полной мере или могут быть выявлены и четко зафиксированы.

Таким образом, разделение классических и неклассических стратегий философствования позволяет не только охватить одним нередукционным принципом философию в качестве комплекса разнородных проектов, не только разглядеть также фундаментальные тенденции ее трансформации, но и предоставляет достаточно богатый набор вполне эффективных концептуальных инструментов (а прежде всего — способы немеханического наращивания порядков рефлексии) для разрешения целого ряда разнообразных тактических задач. Кроме того, последовательное проведение указанного принципа, осуществив различение уже в неклассике классической и неклассической фаз, дает возможность стратегического позиционирования философии и постановки перспективных целей (что особенно актуально в ситуации современного кризиса).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМАТИЗАЦИЯ КАК «ЛОГИКА» РЕФЛЕКСИИ И «СБОРКИ» СУБЪЕКТОВ РАЗВИТИЯ[1]

В.Г.Марача



Институт развития им. Г.П.Щедровицкого,
кандидат философских наук

Для начала следует различить *два жанра разговора:* один жанр, который можно условно назвать «организационно-управленческим», — это когда мы анализируем ситуацию, выявляем проблемы и ищем управленческие решения; другой жанр — «философско-методологический». Поднимаемая тема касается как раз философско-методологических проблем управления и инновационного развития, в частности, проблем «сборки» стратегических субъектов.

Почему об этом нужен философский разговор? А.И. Кузнецов со ссылкой на В. Франкла указывал, что инновационный прорыв требует от субъекта решения метафизических проблем[2] — то есть *трансценденции.* Что такое трансценденция? Это выход за пределы нашего наличного бытия, за границы привычного опыта. Подобная ситуация предполагает именно философский разговор.

Это и в управленческом плане достаточно понятно на примере различения, с одной стороны, краткосрочного и среднесрочного, и, с другой стороны, долгосрочного планирования.

В первом случае мы по сути занимаемся *тактикой* и можем как бы продолжать тенденции существующей ситуации, пытаясь что-то подправить или улучшить за счет принятия грамотных организационно-управленческих решений.

[1] Статья написана на основе доклада на Круглом столе VII Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 16 октября 2009 г.

[2] *Кузнецов А.И.* Современный мир и метафизические проблемы субъекта // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. — М.: Когито-Центр, 2009.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ №1-2, т.9, 2009. С.73-79

Второй случай — это *стратегическое* планирование, которое требует принципиального «заброса» нашего понимания и размышления вперед и вырабатывания такого образа будущего, которого еще нет в существующей ситуации и в нашем личном опыте.

Если вести философский и стратегический разговор об основаниях «сборки» стратегических субъектов и предпосылках инновационной деятельности, то с моей точки зрения, речь может идти о *трех типах технологий*.

Первый тип — это *организационно-управленческие и институциональные технологии*, о них сегодня говорил А.С. Барыкин[3] и — А.А. Денисов.

Второй тип технологий, лежащий в основаниях «сборки» субъектов — это *коммуникационные технологии*, данный сюжет затрагивал В.А. Буров.

Все сказанное ими было применительно к нашим целям совершенно справедливо, и эти два типа технологий следует иметь в виду.

Но я бы хотел акцентировать внимание на том, что существует еще третий тип — *технологии мышления*. И я, как человек, представляющий методологическую школу Г.П. Щедровицкого, хотел бы обсудить вопрос о том, какого типа мышления требует задача «сборки» стратегических субъектов[4].

Понятно, что *«сборка» стратегических субъектов требует работы с разнородными позициями, с совершенно разными типами знаний, парадигмами и способами мышления*. В качестве примера можно привести набор — причем минимальный! — стратегических субъектов, который требуется для решения задачи «сборки» в рамках регионального стратегирования. И уже этот перечень достаточно впечатляющий[5]. Но регион — это еще недостаточно «полный» субъект, у него отсутствует целый ряд полномочий, которые необходимы для развития страны. И если мы возьмемся

[3] *Барыкин А.С.* О необходимых условиях для выбора оптимальной стратегии инновационного развития / Там же.

[4] О понятии «стратегического субъекта» см. подробнее: *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. №1. Том 2.

[5] *Марача В.Г.* Региональное стратегирование как метод повышения эффективности государственного управления региональным развитием в Российской Федерации // Инновации в общественной сфере / Сб. трудов Института системного анализа Российской академии наук. Т. 34. Под ред. Б.В. Сазонова. — М.: УРСС, 2008. С. 193–194 — http://www.fondgp.ru/lib/mmk/66; *Он же.* Региональное стратегическое планирование: основные подходы и условия реализации // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 2008. №11. С. 40–41 — http://www.fondgp.ru/lib/mmk/65; Он же. Рефлексивная коммуникация стратегических субъектов как условие успешной разработки и реализации стратегии развития территории / Четвертая международная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. — М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. С. 1335.

за решение задачи формирования стратегического субъекта развития страны, то нужно решать еще более сложные и комплексные проблемы.

Рассмотрим задачу развития инновационной деятельности. Даже в отвлечении от сложностей, связанных с инновациями в государственном и муниципальном управлении, а ограничившись «обычными» инновациями на уровне микроэкономики, на уровне отдельного бизнес-проекта. Какой набор субъектов нужно «соединить», для того, чтобы такая инновация «пошла»?

Во-первых, нужно выполнить фундаментальное научное исследование — или, во всяком случае, должны быть некие исходные фундаментальные знания, на базе которых осуществляется инновационная деятельность.

Во-вторых, должно быть осуществлено некое прикладное исследование.

В-третьих, на этой основе должна быть выполнена инженерная разработка, в результате которой создается новый образец — изделие, материал и т.п.

В-четвертых, эта разработка должна быть превращена в бизнес-проект.

В-пятых, под этот бизнес-проект (а лучше — в процессе его разработки) должны быть найдены рынки — то есть там еще маркетолог будет присутствовать, в-шестых, инвестор, в-седьмых, местные власти, которые предоставляют инвестиционную площадку, в-восьмых, естественные монополии, которые обеспечивают инфраструктуры.

Вот сколько получается разнородных субъектов, и у всех не только разные интересы, но и совершенно разные парадигмы мышления, языки и т.д. Когда говорят, что проблема с инновациями упирается в инновационный менеджмент, то говорят-то совершенно верно, но понимается это упрощенно: будто нужно ученых или разработчиков опытных образцов научить писать бизнес-планы, общаться с инвесторами и т.д. Это очень упрощенная трактовка. На деле же тот, кого мы называем «инновационным менеджером», должен осуществить со-организацию всего этого набора субъектов в некоторый единый бизнес-процесс, который и называется «инновационной деятельностью».

По сути получается, что *«инновационный менеджер» — это как раз тот человек, который осуществляет «сборку» — но на локальном уровне своего инновационного проекта. И* опять-таки, возникает вопрос: *каким типом мышления нужно для этого обладать?*

Г.П. Щедровицкий, будучи в течение более сорока лет лидером Московского методологического кружка, решал одну основную задачу. У него было много программ в самых разных областях — но одна задача, с моей точки зрения, была основной: *формирование методологического мышления.*

И методологическое мышление, с его точки зрения, претендовало на то качество универсальности, которое позволяет осуществлять такие «сборки» и решать комплексные проблемы.

То, что такая претензия была небеспочвенна, доказывает многолетняя практика организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые выступают организационной технологией решения комплексных проблем полипрофессиональными коллективами с задействованием методологического мышления[6]. Вот почему я здесь говорю именно о методологическом мышлении — в силу его претензии на такие вот качества[7].

Если обратиться к истории, то первоначально на роль универсального претендовало философское мышление. Многие из существующих сегодня весьма полезных и эффективных типов мышления — научное, юридическое, еще целый ряд — сформировались в недрах философского мышления, потом выделившись в качестве самостоятельных. А философия в течение долгого времени претендовала на роль своего рода «царицы наук», обеспечивавшей со-организацию всего этого в рамках единой картины мира. Но, к сожалению, те времена давно остались в прошлом.

[6] См.: *Щедровицкий Г.П., Котельников С.И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995. — http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/50; *Баранов П.В., Сазонов Б.В.* Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности (издание второе, переработанное и расширенное). — М.: МНИИПУ, 1989.

[7] Технологии ОДИ являются *синтетическими*, задействуя все три типа технологий «сборки» субъектов: организационно-управленческие, коммуникационные и технологии мышления. Здесь важно отметить, что при этом сам *технологический синтез возможен только на основе методологического мышления*, обладающего необходимыми для этого качествами рефлексивности и универсальности.

Важной практической проблемой является *применение технологий ОДИ (и других подобных синтетических технологий) в консалтинге*. Именно консультант (внешний или внутренний) выступает тем «инновационным агентом», который «запускает» процесс рефлексии. Результатом рефлексии становится выявление основных действующих субъектов, их позиций и оснований, что создает возможность «сборки» стратегического субъекта развития.

Но традиционный консалтинг задействует лишь два из трех упомянутых выше типов технологий «сборки» субъектов - организационно-управленческие и коммуникационные. Вопрос о технологиях коллективного мышления, обеспечивающего постановку и решение комплексных проблем, либо вообще не ставится, либо переводится на психологический уровень техник групповой работы.

В связи с этим Лабораторией инновационных методов мышления Государственной академии инноваций (ЛИММ ГАИН) инициирован *проект «Метаконсалтинг»,* направленный на разработку нового поколения синтетических технологий постановки и решения комплексных проблем, задействующий опыт и наработки, полученные в ОДИ. В проекте участвуют ведущие консультанты по стратегическому управлению и организационному развитию. Полученные в результате этой работы новые технологии предполагается применять прежде всего при решении задач, связанных с обеспечением перехода России на инновационный путь развития.

В XIX веке на функцию всеобщности и универсальности претендовала наука. Но, опять-таки, как мы знаем, в XX веке, во времена научно-технического прогресса, наука подверглась специализации, дисциплинарному дроблению, и научное мышление сейчас таких функций тоже не выполняет. Наоборот, по отношению к научному мышлению еще нужно выполнять функции «сборки» между знаниями из разных дисциплин. И вот эта проблемная ситуация, когда универсальное мышление и единая картина мира отсутствуют, стала предпосылкой самой постановки задачи о построении нового типа мышления, который бы эти функции выполнял. Г.П. Щедровицкий называл этот тип мышления «методологическим» — хотя, возможно, кто-то здесь придумает что-то другое.

В каком отношении эта задача находится к рефлексивным проблемам? Элементарный анализ показывает, что если это новый тип мышления, то он должен обладать своей особой логикой. А какой логикой должно обладать мышление, претендующие на «охват» и со-организацию других типов мышления? Очевидно, что если это мышление, «надстраивающееся» над другими типами мышления, то это — *рефлексивное мышление.* И, соответственно, Г.П. Щедровицкий говорил, что логика методологического мышления — это логика рефлексии.

Традиционно принято считать, что рефлексия не имеет собственных форм, во всяком случае, рефлексия на обыденном уровне. Именно поэтому она — рефлексия, а не мышление, не понимание и не что-то еще.

Но помимо обыденной рефлексии, рефлексивный характер имеет также философское мышление, здесь формами рефлексии выступают понятийно-категориальные формы. Это вещь чрезвычайно важная, но можем ли мы утверждать, что «логика» рефлексии — это есть логика философского мышления? Строго говоря — не можем. Поскольку, если философскую рефлексию понимать в соответствии с классическим определением Дж. Локка — как «обращение сознания на самое себя», то здесь идет речь об индивидуальном сознании — а в интересующем нас случае рефлексии должно подвергаться не индивидуальное сознание, а структуры сложной профессионально-кооперированной (то есть коллективной!) деятельности. Такое расширение понятия рефлексии является особенностью *методологического типа рефлексии*[8]. Именно методологическая рефлексия сложной кооперированной (а в общем случае — коллективно-распределенной) деятельности и должна оформляться

[8] См.: *Марача В.Г.* Типология рефлексии. Особенности методологической рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума (Москва, 11–13 октября 2005 г.) / Под редакцией В.Е.Лепского. — М.: Издательство «Когито-Центр», 2005. — http://www.reflexion.ru/Library/ThesisRPC2005.zip.

в виде «логики рефлексии», порождая *методологическое мышление как новый тип рефлексивного мышления*.

Несколько ближе к такому представлению о «логике рефлексии» подходит философская логика диалектических рассуждений, — в той мере, в какой последние подразумевают и снимают ситуации реального спора двух или более участников. Собственно говоря, практика методологических семинаров (а затем — и практика ОДИ) опиралась на такие диалектические рассуждения и была их расширением. Но чтобы отсюда действительно получилась «логика» рефлексии, *пришлось добавить еще два элемента, которых в философском мышлении не было. Первый элемент — это пространственная организация мышления, второй — схематизация*[9].

На пространственную организацию мышления указал А.И. Кузнецов[10], когда проводил аналогию между метафизическим усмотрением сущностей и распознаванием образов. За синтетической функцией сознания стоят некие пространственные представления. Но эти пространственные представления — и это мой последний тезис — не могут быть образами, поскольку у нас тогда не получится логики. А логика требует структурности. И я утверждаю, что *пространственные представления, которые является формой «логики» рефлексии, — это методологические схемы.*

Когда мы рисуем схемы (в строгом смысле этого слова), то задаем логический каркас для нашей рефлексии, которая затем позволяет нам со-организовывать разные позиции, сопоставлять основания и делать разные другие интересные вещи с гетерогенными структурами — в отличие, например, от научной теории, которая должна положить некоторую однородную структуру, то есть привести всё к общему знаменателю. *Сила схем — и этим очень эффективно пользуются не только методологи, но и инженеры, — заключается в том, что с их помощью мы можем соединять разнородное.*

Может возникнуть вопрос, а когда мы говорим о со-организации субъектов с помощью технологии мышления в некую сеть — выигрывает ли она всегда перед отдельным человеком, к примеру, если десять поэтов соберутся — напишут ли они лучше, чем Пушкин?

[9] Основными формами организации философского мышления являются понятия и категории, которые выступают при этом в своей регулятивной функции. Как пространственные представления, так и схемы становились *предметом* философского мышления, но никогда не были *формами его организации*. Подробнее см.: *Марача В.Г.* Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка / Георгий Петрович Щедровицкий (Философия России Философия России второй половины XX века Философия России второй половины XX века Философия России второй половины XX века Философия России второй половины XX века Философия России второй половины XX века Философия России второй половины XX векаторой половины XX века). — М.: РОССПЭН, 2009.

[10] См. примеч. 1.

Я считаю, что сеть всегда выигрывает, если она правильно организована. Сила системного подхода заключается в том, что система как бы больше, чем сумма составляющих ее элементов. Но для этого элементы еще нужно правильно со-организовать в систему. То же самое — только в еще большей степени — нужно сказать и про сеть. Если творческие субъекты правильно соединены в сеть, то они всегда будут сильнее, чем отдельный творческий субъект. Но для этого нужно особое мышление и особые технологии со-организации, опирающиеся на методологические схемы.

По мнению В.Е.Лепского, сеть при определенных условиях сильна, если же усложняется процесс коммуникации, то сеть может даже проиграть. Он проводил экспериментальное исследование влияния степени опосредованности общения между отдельными субъектами, и они конкурировали с группами разных размеров вплоть до одиночек. Так вот сеть, в которой высокая степень опосредованности (то есть сложности) коммуникации, проигрывает одному человеку. По мере улучшения организации коммуникации — вплоть до непосредственного свободного общения — сеть, то есть группа, — переигрывает. И это аргумент в мою пользу.

Еще один момент — о «слепых зонах» рефлексии, которые были рассмотрены А.А. Денисовым[11]. Если мы правильно соединим людей, у которых эти зоны находятся в разных местах, то можно противостоять скрытым и даже «призрачным» субъектам рефлексивного управления.

Наконец, по поводу Пушкина, который написал такие замечательные строки: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Представьте себе Пушкина или какого-то другого очень креативного человека, который должен помимо творчества еще заниматься продажей результатов своего труда. Это совершенно разные по типу деятельности — и очень сложно человеку переключаться, и в 90% случаев ему неэффективно переключаться.

В частности, неэффективно тех же инженеров-инноваторов заставлять писать бизнес-планы. Не их это занятие! Гораздо лучше в правильную сеть соединить инженера, ученого, бизнесмена, инвестора, представителя образования и т.д. — и тогда мы выиграем.

[11] Трактовку «слепых зон» рефлексии как «скрытых зон» сознания исследователя, внутри которой операции рефлексии для него запрещены, см. в работе: *Денисов А.А.* Системы, превосходящие исследователя по совершенству / Четвертая международная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. — М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009.